

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИССОЦИАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

Касаясь глубокой и в контексте науки неопределенной до трагизма темы времени, невозможно обойти стороной проблему психического здоровья человека. Или, говоря иначе, исследование времени представляется эмпирически более конструктивным, если мы касаемся проблемы психического здоровья. Откуда берутся наши представления о времени? «Наше представление о времени, конечно же, основывается на древнем мифологическом мировидении». Разбирая временные представления в мифах, М.И. Стеблин-Каменский прежде всего обратил внимание на полную неопределенность возникновения времени. «С одной стороны, время создали боги, упорядочив небесные светила, создав фазы Луны и т.д., и оно непрерывно и конечно, поскольку не существовало, пока не было сотворено. С другой стороны, время существовало и до того, как было сотворено, а кроме того, происходят катаклизмы, в результате которых мир гибнет и вновь возрождается, и, следовательно, время оказывается не конечным, а обратимым, или цикличным»¹. На уровне обыденного сознания время не абстрагируется, оно всегда привязано к конкретным событиям и объектам. Однако уже древние представления о времени указывают на такое его свойство, как обратимость. «Представление об обратимости времени – это вместе с тем отсутствие четкого противопоставления прошлого и настоящего будущему, и, таким образом, оно подразумевает внутреннюю точку зрения на время»². Мифологические представления о времени являются бессознательными представлениями, миф – это сновидение человечества. Но, с другой стороны, бессознательное является древней формой современного сознания. Тема времени не может быть проанализирована вне проблемы психической эволюции, вне проблемы эволюции сознания человека. Эволюция сознания для нашего познания – своего рода *terra incognita*, мы не владем реальными знаниями в отношении этой эволюции. Но можем при этом сослаться на различные источники, вызывающие определенную степень доверия. Об эволюции сознания мы можем судить по нашим психическим состояниям в различное время суток, во время сна, бодрствования, во время гипнотического

¹ Моисеева Н. Время в нас и вне нас. Л., 1991, с. 31.

² Там же, с. 32.

переживания реальности, в трансовых состояниях, в состояниях болезни и здоровья, в различных трансцендентальных состояниях. Можно принимать или отвергать различные теории эволюции сознания. Но, как видится, можно делать предположения, исходя из того, что имеем.

Современный человек пока еще не способен достичь такой психической роскоши, как непрерывность сознания. Наше сознание, сознание бодрствования, прерывается на время сна. Мы имеем дело с прерыванием нашего бодрствования. Сознание покидает наше физическое тело, и оно становится в известном смысле безжизненным. Это может означать, что наше физическое тело одушевляется с помощью сознания и что носителем нашего сознания и самосознания является как раз физическое тело. Состояния сна и сновидения, которыми сегодня обладает человек, могут хотя бы сугубо теоретически быть рассмотрены в качестве эволюционных этапов развития сознания. Это может означать, что, с одной стороны, во время сна мы наблюдаем прерывность сознания, с другой же стороны, повторение этапов его развития. Человек одной ногой стоит в современной реальности, а другой ногой – в филогенезе. Но не только состояния сна возвращают нас в филогенетическое прошлое, коллективная психика постоянно пытается просочиться в нашу сознательную реальность. Именно поэтому визуальные техники наведения транс именуют «сном наяву». В техниках активного воображения, в направленном фантазировании мы практически повторяем кратко процесс эволюции сознания, возвращаем человека в древнюю имажинативную реальность и в этой реальности вновь перебрасываем его в наше современное состояние. Может быть, такие техники несут некий внутренний посыл – достигнуть непрерывности потока сознания. Но, с другой стороны, репродукция не восстанавливает оригинал, а всего лишь его повторяет.

Этапы эволюции сознания рассматриваются также в эзотерике. Согласно этому подходу выделяются следующие этапы: состояние глубокого трансa, которые соответствуют в астрологии сущности планеты Сатурн, состояния глубокого сна без сновидений, что соответствует Солнцу, сновидческое или лунное состояние бодрствующее, земное или предметное сознание. Первые три состояния имеют вневременный характер. И лишь в земном, предметном состоянии появляется хронологическое время. Но Хронос уступает место Айону, когда наступает сновидческое состояние. При пробуждении Хронос вступает в свои права; мы переходим в мир предметного сознания. Хронос вновь овладевает нашим физическим телом, помещая его в цепь временной последовательности. Каждый раз при нашем пробуждении или вхождении в предметный мир с появлением сознания наше тело становится носителем времени или смертности. Однако мы покидаем предметное сознание не только в состояниях сна. Медитативное погружение в имажинативную реальность также отводит

нас от предметного, бодрствующего сознания. Мы переносим сознание в медитативную реальность, но при этом оставляем в стороне его предметность. Путь психической эволюции не может быть представлен иначе как достижение непрерывности сознания, как переход сознания в сновидческие и медитативные состояния. В этих состояниях мы вновь оказываемся во вневременности, на территории Айона, нас уже не связывает предметность мира, то есть мы уже не подвластны этому миру. Как только мы будем в состоянии воспринимать собственное сознание вне связи с предметностью объективного мира, то есть как только мы будем в состоянии отрывать предметность от сознания, мы достигнем состояния непрерывности сознания. По сути, некоторые стороны этого процесса в миниатюре можно наблюдать и при психологическом анализе. Первейшей задачей психотерапевта является расщепление Я пациента на Я-наблюдающее и Я-наблюдаемое, строго говоря, перенос процесса терапии в психическую реальность пациента. Это попытка вывести из мироощущения пациента предметность его переживаний, освободить сознание от эмоциональной предметности.

Практически все психодинамические техники построены на этом расщепляющем принципе, на принципе достижения осознания эмоциональной предметности. И если подобный процесс расщепления на Я-наблюдающее и Я-наблюдаемое станет возможным в сновидческом состоянии, то в этом случае мы будем иметь полное право говорить о достижении непрерывности нашего сознания. И лишь в этом случае мы можем с известной долей вероятности постулировать тот факт, что бессознательное в психике современного человека являлось формой сознания для мифического или имагинативно ориентированного мировосприятия. Для имагинативного переживания мира время вообще не хронологично. А это значит, что представления древних о времени и вневременности нельзя рассматривать как красивую сказку. «С точки зрения тех людей, среди которых бытовали мифы, и сами мифические персонажи, и результаты деятельности этих персонажей – реальность, то есть не прошлое, а настоящее. Естественно поэтому, что в эддических мифах прошлое нечетко отграничено от настоящего, в известном смысле – вневременно»³. Для нашего обыденного сознания прошлое и настоящее должны быть отграничены, однако это не совсем так или совсем не так: нас всегда ожидает прошлое, а не будущее, мы всегда примешиваем прошлое в то, что мы называем настоящим, и по сути настоящего как психологической категории не существует. Настоящее – это будущее, становящееся прошлым. В мифическом времени, то есть в бессознательной темпоральности, будущее и прошлое сливаются, они не дифференцируются.

³ Там же, с. 32.

В бессознательном измерении психики все сводится к единому времени, то есть к настоящему. Это то настоящее, которое мы в сознании определяем как прошлое. *Прошлое имеет статус реальности, так как оно уже свершилось и может быть оценено.* Для бессознательного уровня психики реальность всегда приписывается прошлому, настоящее должно стать прошлым, чтобы приобрести ценностные характеристики, те самые характеристики, которые мы называем смыслом жизни. Все, что нами оценено в нашей жизни, может быть названо прошлым. Пока какие-либо события еще не получили своего оцененного смысла, до тех пор они зависят в нашем настоящем независимо от того, когда они произошли. Для каждого человека ценность жизни в оцененном прошлом, которое он оставляет за собой и которое, собственно говоря, и является жизнью. Каждое событие нашей жизни имеет свой смысл, но не каждое событие осмысливается с точки зрения его ценности для нашей жизни. Или мы подгоняем каждое событие под наши ценности, интерпретируем их в контексте нашего мировоззрения, нашего жизненного сценария. Все не оцененное, не осмысленное остается в нашем психическом настоящем. То, что нами оценено, становится нашим прошлым, то, что мы не можем отнести к нашей жизни, не можем вписать в наш жизненный сценарий, все это остается в нашем психологическом настоящем. И это положение вполне психологично, время всегда для нас имеет личностный смысл и оценивается также личностно. Наше мифическое прошлое, по сути, образ мышления, определенный уровень организации сознания. Мы можем, поэтому допустить, что одной из форм сознания в его длительной эволюции, является мифическое, имагинативное сознание. Преодоленные процессы развития вообще не исчезают, но сохраняются в психической реальности человека. Мифическое сознание сохранено в психической структуре человека и не только сохранено, но и является пока еще действенным. «Миф переносит в эпоху, когда создавалось все то, что продолжает существовать, то есть в максимально реальную эпоху. Мифическое прошлое вневременно потому, что оно так же реально, как настоящее, то есть максимально реально»⁴.

Все, что переходит из нашего прошлого в наше настоящее становится реальным и вневременным. Все мифическое прошлое, религиозное прошлое постоянно врываются в наше настоящее, тем самым внося некий условно контролируемый хаос в нашу жизнь. То, что мы вытесняем из нашего сознания, не становится прошлым, оно становится вечным. Человеческая жизнь с одной стороны также представляет собой причинно-следственную цепь событий, некую последовательность жизненных ситуаций, некую целостность, обладающую смысловой ценностью. Целостность психики выражается с помощью такого понятия, как

⁴ Там же.

идентичность. Мы, конечно же, не поймем процесс расщепления психики без понимания динамики формирования идентичности. Но что выражает это понятие? «Понятие "идентичность" имеет в литературе различные интерпретации. Терминологическая неопределенность затрудняет научное общение и выработку единой концепции исследования идентичности»⁵. В самом общем понимании идентичность означает самоидентичность личности в различных жизненных ситуациях в течение определенного длительного времени. В определениях подобного рода сказано все и ничего. Человек является тем, кем он является; такое определение также не формирует ясного представления об идентичности, но интуитивно воспринимается как возможно истинное. Идентичность может быть определена как непрерывность личности, постоянство личности в различных ситуациях. По Ц. Короленко, идентичность – это способность человека оставаться самим собой. Идентичность формируется уже на архетипной основе. Если верить К. Юнгу, то каждый из нас имеет архетипную предрасположенность к формированию интегрированной личности. Но если это и так, то это уже означает, что мы формируем лучшую идентичность из существующих возможностей. Или ту, которая более адаптирована к социальным условиям, в которых мы оказались в силу жизненных обстоятельств. Один из основателей психологии Self-Kohut вообще считает, что формирование интегрированного чувства Self или “ядра субъективности” является одной из главных мотиваций. Самоидентичность – фактор личности, она остается всегда единой, независимо от переживаемых нами различных состояний. Это значит, что идентичность личности представляет собой некую темпоральную целостность, которая присутствует как в прошлом личности, так и в ее настоящем и должна иметь место в ее будущем.

Нечто, постоянно повторяющееся в поведении, в эмоциях и когнитивных схемах личности, можно определить, как ее идентичность. Благодаря этому поведенческому и эмоциональному постоянству каждый из нас становится предсказуемым, а значит, нормальным. Независимо от того, в каких жизненных ситуациях находится человек в настоящее время, его прошлое постоянно обеспечивает преемственность его субъективного ядра. Даже в состоянии вне себя мы остаемся самими собой. В каждый конкретный эпизод жизни мы связаны с нашим прошлым, при этом нам вовсе не обязательно осознавать эту связь. Поэтому, говоря об идентичности, мы должны допустить, что она носит также бессознательный или неосознаваемый характер. Однако в этом случае мы невольно создаем для себя новую проблему: если наша идентичность строится на неосознаваемых элементах, то как вообще возможно ее сознательное восприятие?

⁵ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность в норме и патологии. Новосибирск, 2000, с. 12.

Конечно, в этой проблеме заложена традиционная ошибка: мы привыкли считать, что быть в сознании означает отсутствие неосознаваемых представлений. Но вопрос именно в том, что из огромного числа впечатлений, получаемых нами каждый божий день, лишь небольшая часть становится сознательными представлениями, остальные уходят в осадок и, как несложно догадаться, продолжают благополучно функционировать в нашей психике. Сложности в понимании идентичности создает также ролевая теория. Человек, как набор социальных масок, может постоянно меняться или каждый раз проявляться по-иному. Особенно в тех ситуациях, с которыми он сталкивается впервые, по отношению к которым пока не сформированы адаптивные модели поведения и которые требуют принятия индивидуальных решений. Различные типы ролевого поведения, различные проявления и презентации Персоны способны заставить человека входить, вживаться в роль. Длительное вживание в новые роли, способно увести человека от основной идентичности. И, как считает S. A. Mitchell, именно таким способом может формироваться множественная личность⁶.

Эту позицию высказывают многие психиатры. H. S. Sullivan считает, что каждый человек бывает различным в различных ситуациях и постулирование понятия единой идентичности является скорее нарциссической иллюзией, так как человеку хочется думать, что он остается неизменным в различных жизненных эпизодах. На самом деле не существует единой уникальной личностной индивидуальности, взамен этого надо просто признать множественность *Self-структуры*⁷. L. Hoffman описывает интересный процесс, при котором разные Self включаются одновременно в одну и ту же ситуацию⁸. Концепции идентичности подчеркивают постоянство личности в различных жизненных ситуациях. В контексте психически здоровой личности постоянство и тождественность личности представляется вполне обоснованным предположением. Среди концепций идентичности можно встретить достаточно оригинальные построения. Привлекает внимание концепция G. H. Mead, в которой акцент ставится на способности личности относиться к себе рефлексивно или Эго-дистонно. Эта способность личности как раз и обеспечивает ее функционирование в границах нормы. Нормальный человек – это тот, кто способен видеть себя со стороны. Хотя и эта теория является социально-психологической, тем не менее она непосредственно затрагивает проблемы психического здоровья⁹.

Проблема, которую мы бы хотели высветить в этой связи, сводится к следующему: в отношении какого уровня психики мы можем говорить о тождественности и постоянстве личности, то есть о ее идентичности.

⁶ См. **Mitchell S. A.** Hope and Dread in Psychoanalysis. New York: Basic Books, 1993. P. 285.

⁷ См. **Sullivan H. S.** The Interpersonal Theory of Psychiatry. New York: 1953, W. W. Norton.

⁸ См. **Hoffman L.** Foundations of Family Therapy. New York: 1981. Basic Books.

⁹ См. **Mead G.H.** Mind, Self and Society / Ed. by C.W.Morris. 1975, Chicago Press, Univ. of Chicago.

Конечно же, прежде всего, мы говорим об идентичности личности касательно ее сознательного уровня. И, может быть, мы вправе констатировать идентичность личности только по отношению к этому уровню психики. Если поместить идентичность в границы бессознательного уровня психики, то и здесь уже положение дел не столь радужно. Хотя Э. Эриксон и допускает рассмотрение идентичности в границах бессознательного уровня психики в качестве стремления к непрерывности опыта, скорее всего, это лишь теоретическая роскошь¹⁰. Эриксон прекрасно понимал сложность проблемы и, может быть, именно этим обусловлено то, что его концепция выглядит убедительно. Он выделяет несколько уровней идентичности: чувство личностного тождества, уровень исторической непрерывности личности, а самое главное – сознательное чувство личностной идентичности.

Об идентичности мы можем судить сознательно, но переживаем ее не столь осознанно. Определение идентичности, данное Эриксоном, претендует на статус классического. В этом определении идентичность рассматривается как следствие процесса успешного Эго-синтеза и ресинтеза, протекающего в детстве. Эго-синтез включает в себя конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли¹¹.

В границах психической нормы практически все концепции идентичности могут быть приняты с небольшими оговорками. Однако их обоснованность реальна лишь в границах психической нормы. Как только мы переступаем границу нормы, концепции идентичности начинают разрушаться. В частности трещат по швам теории идентичности личности, когда мы имеем дело с диссоциативными расстройствами. Диссоциативное расстройство идентичности, длительное время определявшееся как множественная личность, замечено в истории науки как минимум с XVII века. В 1646 г. Парацельс описал это расстройство на примере женщины, занимавшейся кражей собственных денег¹².

Диссоциативное расстройство идентичности можно также встретить под названием «комплекс Озириса». Миф повествует о ревности Сэта, убившего брата Озириса и разбросавшего куски тела на огромной территории. Их сестра Изида собрала все фрагменты и соединила, тем самым оживив Озириса в новой форме. По сути, в психотерапии мы имеем дело именно с таким процессом – собирая отколовшиеся фрагменты психики человека и конструируя новую психическую реальность. Этот процесс и является реинтеграцией Self или, если угодно, идентичности личности. В различных классификациях выделяются конкретные критерии диссоциативного расстройства идентичности. К примеру, в DSM-III-R

¹⁰ См. **Erikson E. H.** Identity and the Life Cycle. N.Y., 1980, L.: Norton.

¹¹ См. там же.

¹² См. **Blis E.** Multiple Personalities: A Report of 14 Cases with Implication for schizophrenia and Hysteria. Archives of General Psychiatry, 1980 Dec; 37(12):1388-97.

выделяется два критерия (А и В), это наличие двух или более отдельных идентичностей и личностные состояния, рекуррентно контролирующее поведение личности. В DSM-IV количество критериев увеличивается, к А и В добавлены С и D. Согласно DSM-IV-TR диссоциативное расстройство идентичности характеризуется наличием нескольких сепаратных личностей (идентичностей), каждая из которых время от времени захватывает контроль над поведением личности. Важным считается, что переход от одного личностного состояния или от одной идентичности к другой сопровождается амнезией – человек не помнит личностно значимую информацию, и это никак не объясняется личной забывчивостью. Трагизм ситуации в том, что идентичность личности, которая считалась константной величиной, вдруг утрачивает свое постоянство, и человек теряет контролируемую и безопасную точку опоры в своем поведении.

Эта ситуация подводит нас к принятию важного факта: идентичность личности может иметь несколько видов – первичную и альтернативные. Такая ситуация присуща и здоровой психике, с той разницей, что в норме человек не сталкивается с активностью альтернативных или парциальных личностей, в норме мы имеем дело с дремлющими идентичностями. При диссоциативном развитии первичная (основная) идентичность сталкивается с активными альтернативными идентичностями. И на сцене психики разыгрывается борьба за первенство. Каждая идентичность – это отдельный жизненный сценарий, отдельное мировоззрение, различное отношение к миру и социальному окружению. Парадоксальность такой ситуации часто в том, что различные альтернативные идентичности имеют различные характеристики, не совпадающие с первичной идентичностью. Естественно, что в такой психической реальности закономерно зарождение конфликтов идентичностей. Такой конфликт имеет место в каждом случае невротического регистра. Независимо от вида невроза пациент испытывает конфликт идентичностей, при этом он находится в эго-дистонном отношении к своим психическим проблемам. Часто можно слышать от пациентов, что в них сидит какой-то образ-разрушитель, который не дает им спокойно жить. Многие пациенты пытаются наладить диалог с такими образами. Не говоря уже о том, что и в имажинативной психотерапии, и в арттерапии модель диалога признается достаточно эффективной. «Наметилась устойчивая тенденция обращения и использования психологами глубинных слоев подсознания, имеющих исключительно образный характер, для лечения различных психических расстройств»¹³.

При диссоциативном развитии ситуация усложняется также тем, что количество альтернативных личностей не может быть строго определено,

¹³ Свирепю О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М., 2004, с. 7.

некоторые идентичности «засыпают», другие пробуждаются. До сих пор не выявлена также возрастная закономерность формирования различных идентичностей. Психологическая тяжесть при диссоциации определяется утратой контроля Я над поведением отдельных идентичностей. Отдельно взятая идентичность может быть и внутренним «ребенком», который, как и «взрослый», стремится взять власть в свои руки, начинает вести себя автономно, совершать поступки, не подвластные единой первичной идентичности. Хотя в ситуациях диссоциативной психики вопрос о первичной идентичности практически снимается.

Эволюция психики несет в себе необходимость отчуждения Я от не-Я. Я-сознание личности формируется на протяжении тысячелетий благодаря отчуждению Я от Мы-сознания. Тот же самый процесс мы наблюдаем в онтогенетическом развитии личности. Филогенетическое богатство психики содержит в себе множество парциальных личностей, подчиняющихся групповой сопричастности, групповому Мы-сознанию. Однако, та же самая психическая эволюция требует дифференциации Я от не-Я. «Элементы переживания "не-я" должны быть отделены от "я" (Me) элементов, агрессивно отторгнуты (во внешнем мире) и безусловно подавлены (во внутреннем мире)»¹⁴. «Чем более бессознателен человек, тем больше он будет соответствовать общим канонам психического поведения. Однако чем больше он осознает свою индивидуальность, тем более явным будет его отличие от других субъектов и тем меньше он будет отвечать общепринятым ожиданиям. Более того, его реакции становятся гораздо менее предсказуемыми. Это следствие того, что индивидуальное сознание всегда более высоко дифференцировано и обладает большей широтой. Но чем шире раздвигаются рамки сознания, тем более дифференцировано восприятие и тем более оно свободно от коллективных правил, так как эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания»¹⁵.

Этот процесс дифференциации – ключевой для психической эволюции, благодаря ему формируется или вычленяется индивидуальное Я личности. Однако при этом множественность парциальных личностей переходит в сферу бессознательного и продолжает свое функционирование уже на других «частотах» психического аппарата – в сновидениях, в невротических и психотических расстройствах, в пограничных состояниях психики. Они приобретают вневременной характер, они покидают территорию линейного времени и поэтому становятся вездесущими, опасными для нормальной психической деятельности. Для человека то же значение имеет смерть, она вездесуща, так как вневременна. Все, что помещается для нас в линейные временные границы, имеет характер предсказуемости, а значит, и психического комфорта. Выпадение из границ времени несет в

¹⁴ Калшед Д. Внутренний мир травмы. М., 2001, с. 19.

¹⁵ Эдингер Ф. Творение сознания. СПб., 2001, с. 10.

себе угрозу формирования патологии. В линейном мировосприятии психическая структура наделена адаптивными способностями как к собственной деятельности, так и к социальному миру. В травматическом переживании нарушается именно эта временная линейность, травма не ассимилируется Я-сознанием. В такой ситуации формируется диссоциативная активность как механизм ассимиляции травмы. Если психическая эволюция – это выведение множественных личностей из структуры Я, то диссоциация представляет собой реанимацию этих самых парциальных личностей. Диссоциативность психики как таковая становится вполне понятным явлением, учитывая ее длительное филогенетическое развитие. Кроме того, психические процессы не отличаются устойчивой связанностью. «Как показывает множественность психических компонентов, на примитивном уровне в изначальном состоянии психические процессы очень слабо связаны и отнюдь не образуют самодостаточное единство. Более того, психиатрический опыт свидетельствует, что нередко требуется совсем немного, чтобы разрушить единство сознания, столь многотрудно возводившееся в ходе развития, и разложить его снова до первоначальных элементов»¹⁶. Многовековая эволюция выводила из структуры Я внешний мир, собирала воедино в целостную структуру отдельные фрагменты психики. «Этот многовековой опыт человечества, нашедший отражение в универсальном представлении о присутствии множества душ в одном и том же индивиду»¹⁷. Эти представления, которые длительное время воспринимались в качестве аксиоматических истин, наделены символическими характеристиками. Однако символические представления являются закодированным знанием, а не беспочвенной фантазией. Психология вообще, строго говоря, представляет собой трансформированное мифологическое и символическое знание и поле исследования. Не говоря уже о том, что символическостью насквозь пропитаны наши обыденные представления. Представления о множестве душ формируются с раннего детства, и не только объективно, они программируются. Мы часто говорим друг другу о том, что в нас вселился бес, воспитываем ребенка, указывая на существование в нем плохого и хорошего существа. «Мы должны принять, что во внутреннем мире маленьких детей боль, возбуждение или дискомфортные чувственные состояния быстро сменяются чувством комфорта, удовлетворения и безопасности таким образом, что постепенно выстраиваются два образа самого себя и внешнего объекта. Эти разные репрезентации себя и объекта заключают в себе противоположные аффекты и имеют тенденцию образовывать полярные структуры. Один является “хорошим”, другой – “плохим”, один любящим, другой ненавидящим и так далее»¹⁸.

¹⁶ Там же, с.10.

¹⁷ Там же, с.23.

¹⁸ Калшед Д. Указ. соч., с. 21.

Отношение родителей к ребенку формирует как диссоциацию, так и интеграцию его психики. При этом фрагментацию психики запускает негативное отношение родителей, агрессия и причинение травм. Эмоционально позитивное отношение способствует интеграции психики ребенка. «Негативные аффекты, связанные с агрессией, ведут к фрагментации психики (диссоциации), в то время как позитивные аффекты и состояние покоя, возникающие, когда мать адекватна в исполнении своей роли посредника между ребенком и внешним миром, интегрируют фрагменты психики и восстанавливают гомеостатический баланс»¹⁹. Уровень обыденных представлений является, конечно же, производным от более сложной системы человеческого знания. Диссоциативный процесс не появляется внезапно из ничего, он постоянно присутствует латентно в нашей психической организации и активизируется при необходимых соответствующих условиях. Но прежде всего отметим, что этот диссоциативный процесс имеет сугубо бессознательную природу. Тем не менее вполне закономерно в этой ситуации возникают два вопроса. Во-первых, почему парциальные личности, или второе сознание, не может перейти порога «первичного, контролирующего» сознания. Во-вторых, откуда мы можем знать вообще об этом втором сознании? В парадигме аналитической психологии эти вопросы получают ответы. Второе сознание не является продуктом вытеснения. «Существование такого субъекта обусловлено не подавлением, а подсознательными процессами, которые сами по себе никогда не были осознанными»²⁰. Эта часть бессознательного уровня психики – уровень коллективного бессознательного, или объективное психе. Термин «объективное психе» представляется более полноценным и адекватным, так как в психике единственным объективным уровнем является тот, который свободен от субъективных переживаний и не был сформирован непосредственно личностью. Память предков никем из нас не была субъективно ассимилирована, но этот пласт, безусловно, вызывает своеобразные эмоции в каждом из нас. Архетипическое наследие нами не осознается, но переживается, и эти переживания очень нуминозны. «В большинстве случаев это вовсе не подавляемые содержания, а просто те, что еще не осознаны, то есть не были субъективно осмыслены, подобно демонам и богам первобытных народов или всяческим «измам», в которые столь фанатично верит современный человек»²¹. Хотя память предков и относится к филогенетическому прошлому, в личности она приобретает статус онтогенетического настоящего в форме диссоциативного процесса. Объективное психе просачивается в сознание, в настоящее время личности в виде симптомов. «Суть в том, что содержания, возникающие в сознании, прежде всего симптоматичны»²². Юнг исходит из того, что единст-

¹⁹ Там же.

²⁰ Эдингер Ф. Указ. соч., с. 24.

²¹ Там же.

²² Там же.

во и целостность сознания – цель психического развития. Процесс же достижения целостности может получить также и патологическое развитие, переходя в свою противоположность. Множественность или, точнее, диссоциативность психики не что-то из ряда вон выходящее, это нормальное состояние и изначальная форма. «Такое состояние ни в коей степени не является ни патологичным, ни даже в чем-то особенным: напротив, это – изначальная форма, так как психическая целостность, постигаемая в единстве сознания, представляет собой идеальную цель, еще никем и никогда не достигнутую»²³. Таким образом, изначально мы исходим из понятия «нормальной множественности» личности, которая имеет единый центр контроля и управления, хотя временами контроль Я находится на уровне, далеком от адекватного.

В психике личности вследствие травматичного прошлого формируется тревога. В парадигме аналитической психологии она называется «угрозой фрагментации личности». Вообще переживания тревоги интенсифицируются по мере возвращения в сознание диссоциированного содержания. Это, конечно же, не значит, что в случаях переживания тревоги мы всегда фиксируем диссоциативное расстройство идентичности. Вытесненный материал может быть ассимилирован сознанием, и тогда он будет интегрирован в целостную структуру личности. Однако «с людьми, перенесшими травму, дело обстоит иначе. Что касается этих пациентов, отторгнутый материал не имеет у них психической репрезентации, а отсылается на соматический уровень или переводится в дискретные психические фрагменты, между которыми возводятся амнестические барьеры»²⁴. По сути, Калшед описывает механизм формирования диссоциативного расстройства идентичности или феномен множественной личности. Вытесненные фрагменты психики, исключенные из целостной цепи личностного развития, представляют собой психическую незавершенность, гештальт переживаний не был включен в последовательность хронологического времени, в психическую деятельность целостной личности. Энергия парциальных личностей не переместилась в общую целостную психическую динамику личности. Парциальные личности, лишённые возможности интеграции в единую целостную структуру личности, начинают паразитировать, односторонне развиваясь. При переходе энергии парциальной личности в сомум мы получаем непропорциональный рост органов. Этот феномен, в свою очередь, приводит к предположению, что каждое соматическое заболевание скрывает некую парциальную личность. В линейном времени энергия парциальной личности при надлежащей функции контроля Я-сознания погашается, в бессознательной вневременности энергии ис-

²³ Там же.

²⁴ Калшед Д. Указ. соч., с. 34.

пытывают потребность реализации, однако уже вне этой личностной целостности и цельности. Процесс развития, протекающий вне целостной психической деятельности трансформируется в болезненную психосоматическую противоположность. В диссоциативном процессе личность «скальзывает» в недифференцированную психическую реальность, выпадает из линейного времени, единое я расщепляется на части автономных парциальных личностей. Диссоциация пытается уберечь личность от эмоциональной травмы, буквально расщепляя переживания на части и изолируя их друг от друга с помощью амнестических барьеров. Поэтому сосуществующие парциальные личности не обладают знаниями друг о друге. Вопрос в том, что амнестические барьеры обеспечивают автономность парциальных личностей, если эти барьеры разрушатся, то травматические переживания вновь сольются в единое целое и в этом качестве обернутся настоящей угрозой для психического здоровья личности.

Психологическая ценность этой диссоциативной защиты равноценна попытке вытянуть себя за волосы из болота. Точка опоры заключена в Я-сознании, между тем именно она утрачивается вследствие расщепления. В процессе диссоциативного расстройства к одному пространству личности добавляется второе. «Одной из этих областей является переходное пространство между эго и внешним реальным миром. Вторая область – внутреннее символическое пространство, разделяющее части внутреннего мира»²⁵. В формировании этого второго пространства и состоит как раз функция диссоциативной защиты. Таким способом достигается не удаление (вытеснение) травматического переживания, а его дробление на части ценой утраты контролирующей функции Я-сознания. «В этом и состоит одна из важных функций диссоциативной защиты – временное разделение переживания на части, внутреннее отделение Эго или декатексис его функции контакта с реальностью, в интересах психического оцепенения»²⁶. Однако при подобной защите ущерб становится равноценным приостановке психического развития личности. «В итоге переживание лишается смысла, связанные переживания дезинтегрируются, процесс индивидуации прерван»²⁷.

Переживания травмы, по сути, угрожают личностной целостности, поэтому диссоциативный процесс однобоко нацелен обеспечить безопасность личностной идентичности. Диссоциативный процесс, «спасая» идентичность личности, не позволяет интегрировать в ее структуру травматические переживания, которые представляют угрозу для Я-сознания. Тем самым диссоциативные защиты выводят личность из линейного времени, из переживаний мира в контексте Я-сознания. «Они гарантируют выживание личности за счет ее развития. Насколько мне удалось понять,

²⁵ Там же, с. 45.

²⁶ Там же, с. 47.

²⁷ Там же.

их основной задачей является сохранение личностного духа в безопасности, но развоплощенным, инкапсулированным или каким-либо другим образом удаленным из единой структуры душа/тело, лишенным возможности пребывания в реальном мире пространства и времени»²⁸. Выход из границ линейного времени – это, по сути, выход из Я-организации или Я-сознания (различные авторы употребляют различные термины).

Попав в линейную последовательность времени, человек сформировал в себе Я-сознание. В среде современных аналитических психологов, исследующих диссоциативный процесс личности, желателен отметить Jean Knox, в частности его исследование «Trauma and defences: their roots»²⁹.

Согласно Jean Knox, травма приводит к активизации архетипических защит. Травма приносит в жизнь личности, в структуру ее «внутренних рабочих моделей» раскол. Эти рабочие модели являются своеобразными копинг-стратегиями личности, нарушение в структуре которых приводит к их расколу, к утрате их временной и смысловой взаимосвязи. Модели копинг-поведения или внутренние рабочие модели являются своего рода архетипами.

Травма угрожает разрушить эти рабочие модели, тем самым ставя под удар поддержание положительного чувства идентичности. Особенно тяжело переживаются жестокое отношение родных и близких и безразличие тех, кого человек любит. Защита личности нацелена, таким образом, сохранить позитивную идентичность. В отличие от Калшеда, считающего, что травма активизирует архетипическую защитную структуру, Jean Knox считает, что в этом случае мы имеем дело скорее с активизацией творческих конструкций, которые формируют у личности новые паттерны поведения и общения с окружением. Тем не менее, мы считаем, что архетипическая защитная активность не может быть противопоставлена той же самой творческой активности, так как выполняет идентичную функцию – формирования новых защит. Эффективность психологических защит вообще может определяться тем, успешно ли сохраняется идентичность личности. Диссоциативные защиты фрагментируют травматический опыт, растворяют его или распределяют на отдельные носители, которые несут в себе потребность объединиться. В автономии субличностей заложено самоотрицание. Во всяком психическом явлении содержится своя противоположность. Это чрезвычайно актуальное положение аналитической психологии послужило основанием и неким разрешением для построения психотерапевтической модели. Действенность любой психотерапевтиче-

²⁸ Там же, с. 49.

²⁹ **Knox J.** Trauma and defenses: their roots. *Journal of Analytical Psychology*, 2003, 48, 207–233. Published by Blackwell Publishing Ltd, 9600 Garsington Road, Oxford OX4 2DQ, UK and 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA.), P. 207-233.

ской и консультативной модели основывается именно на способности психики формировать позитивные состояния. Всякая болезнь несет с собой потенциал здоровья, и психотерапия, очевидно, должна стремиться не углубиться в генезис заболевания (об этом уже позаботилась сама болезнь), а найти противоположный потенциал.

Проблема диссоциативного расстройства идентичности представляет, по сути, заостренную форму нормального состояния. Личность несет в себе различные Я, но эти различные Я в целом подконтрольны единому центру. Всякое расстройство обнажает множественность субличностей, во всяком расстройстве происходит их конфликт. Но это подконтрольный конфликт. Все методы психотерапевтической работы имплицитно признают наличие множественных субличностей. И психотерапия направляется так или иначе на восстановление баланса между уровнями их активности. Парциальные личности – это автономные части психики, не прошедшие стадии осознания. Поэтому эффективная психотерапевтическая модель стремится к осознанности парциальных личностей, чтобы осуществить то, что не успело завершить расстройство. Признание существования субличностей содержится как в психодинамической ориентации, так и в поведенческих моделях психотерапии. А гештальт-терапия прямо указывает на наличие множественных Я, которые делятся на два главных вида: основные Я и элементарные Я.

«Говоря языком "я", не существует такого настоящего, реального "я", спрятанного под внешним обликом. Скорее существует скопление "я", которые соперничают в борьбе за господство. Например, ученый, интеллектуальная личность, чувствует себя несчастным. Он страдает, запертый в четырех стенах своего кабинета, и приходит к выводу, что его настоящее "я" — это страдалец. Но в действительности это не так. Он только выбирает из двух своих "я" – "интеллектуального" и "страдальческого", и каждое из них имеет свой характер»³⁰. Более того, в гештальт-психотерапии огромное место уделяется интроекции, как механизму формирования различных субличностей. В этом смысле приобретает интерес, что интроекты, поглощенные личностью, формируют субличности, которые выпадают из линейного хронологического времени. «Действительно, многие искаженные представления о собственном Я создаются с помощью интроекции. Например, пациент, который обладал "беззащитным Я", так как в детстве его постоянно избивал отец, был так поглощен интроективной силой своей беззащитности, что она и в самом деле овладела им»³¹. Беззащитное Я личности в данном случае функционирует в ее настоящем, в

³⁰ **Польстер И.** Обитаемый человек. Терапевтическое исследование личности. М., 1999, с. 20-21.

³¹ Там же, с. 56.

хронологическом линейном времени, между тем возраст этого Я не соответствует паспортному возрасту личности. Возрастное несоответствие различных Я объективно должно приводить к психическим страданиям.

Возрастное несоответствие различных Я не просто каприз психики. Человек признает все свои возрасты, однако не признает связи между ними в диссоциативном процессе. Он признает факты своей жизни, но не признает их связи между собой, последовательности; в диссоциативном расстройстве сразу бросается в глаза выход из последовательности, то есть из целостности единого Я-сознания. Человек признает факты своей жизни вне их связи друг с другом в контексте единого Я и тем самым разрушает чувство единого Я, дробит его на множество субличностей. Так как причинно-следственная цепь предполагает функционирование единого Я, активность и связность личности в прошлом и настоящем, то разрывом этой каузальности человек обеспечивает себе дистанцирование от травматического прошлого.

Травмы жизни беспокоят человека, если находятся в причинно-следственной связи, в целостности психической жизни. *Разрушая причинно-следственную связь событий жизни, человек выпадает из линейного времени, ломает возрастную непрерывность, тем самым попадая в акаузальную область бессознательного.*

Говоря о последовательности жизненного цикла, приведем по этому поводу блестящее положение гештальт-терапии: «На вершине мастерства терапия может продемонстрировать выдающиеся примеры последовательной неизбежности и чувство вовлеченности в текучесть настоящего времени. Возникающие переживания плавно и неизбежно следуют одно за другим. Чувство соответствия происходящему и ощущение неизбежности событий оказывают сверхгипнотическое воздействие и предлагают освобождение от досаждающих проблем и противоречий, которые вызывают у человека внутренний разлад и расхолаживают разум»³². Таким образом, в гештальт-терапии основным техническим механизмом становится возвращение личности в последовательность собственной жизни, принятие своего прошлого, настоящего и будущего. Диссоциативный процесс – это прерывистое состояние функционирования психики.

«Если терапевт помогает пациенту выйти из такого "прерывистого" существования и вступить в поток чувств и ощущений, где одно переживание плавно перетекает в другое, пациент вскоре втянется в этот поток. Чередование каждого последующего момента покажется ему неизбежным, он будет захвачен происходящим и открыт для новых мыслей и чувств. Когда терапевт чутко направляет последовательность таких моментов, пациент плавно скользит по колее разума и приветливо встречает те мыс-

³² Там же, с.142.

ли и чувства, которые прежде были неприемлемы»³³. Интеграция психической деятельности становится, таким образом, целью психотерапевтического вмешательства.

Ключевые слова: *парциальные личности, диссоциативные защиты, идентичность, сновидческое состояние, бодрствующее состояние, эволюция сознания*

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԿԱՅԵԼՅԱՆ - Ինքնությունը և դիսոցիատիվ գործընթացը – Հոգեկան գործունեության ամբողջականությունից դուրս ընթացող զարգացման գործընթացը վերափոխվում է հոգեմարմնական հիվանդագին հակադրության: Դիսոցիատիվ գործընթացում անձը «սահընկնում է» չտարբերակված հոգեկան իրականության մեջ, դուրս է ընկնում գծային ժամանակից, միասնական Ես-ը մասնատվում է ինքնավար մասնակի անձերի: Դիսոցիան փորձում է անձին պաշտպանել հուզական տրավմայից՝ բառացիորեն մասնատելով ապրումները մասերի և մեկուսացնելով դրանք միմյանցից ամենատիկ խոչընդոտների օգնությամբ:

Բանալի բառեր. *մասնակի անձեր, դիսոցիատիվ պաշտպանություններ, ինքնություն, երազանման վիճակ, արթմնի վիճակ, գիտակցության էվոլյուցիա*

VLADIMIR MIKAELYAN – Identity and Dissociative Process. – The personality carries a different “I”, but these different “I” are generally controlled by a single center. Any disorder exposes this multiplicity of sub-personalities, in every disorder, there is a conflict of sub-personalities. The trauma introduces a person into life, a split in the structure of its “internal working models”. These working models are peculiar coping-states of a person, a violation in the structure of which leads to their split, to the loss of their temporal and meaningful interrelation.

Key words: *partial personalities, dissociative defenses, identity, dream state, waking state, evolution of consciousness*

Ներկայացվել է՝ 20.12.2018, գրախոսվել է՝ 08.02.2019, ընդունվել է տպագրության՝ 27.02.2019

³³ Там же, с.142-143.